

Наступила ночь, и в тысячах домов зажглись огни. Черная как смоль птица промелькнула над переулками и, взмахнув крыльями, опустилась на тыльную сторону ладони мужчины в индигово-синем халате, прислонившегося к оконной раме. Ли Шу опустил взгляд, отвязал записку с лапки черного дрозда и слегка качнул запястьем — птица тут же вспорхнула и вылетела в окно.

Бегло просмотрев содержание записки, Ли Шу повернул голову и с полуулыбкой посмотрел на мужчину с благородными манерами, полулежавшего на кушетке:

— А ты знаешь, кто такая дочь Линь Фаньчэна, наместника уезда Цинхэ?

Янь Су, державший в руках чашку из селадона, замер. Он неспешно отпил глоток чая и, подняв глаза, ответил:

— Не имею ни малейшего представления.

К чему ему на пустом месте интересоваться девицей? Если она решит, что он собирается свататься, разве не выйдет неловко?

Ли Шу сделал два шага вперед, подошел к нему и, протянув записку, с насмешкой произнес:

— Погляди сам.

Янь Су поднял на него взгляд, чувствуя, что улыбка друга не предвещает ничего хорошего, но всё же отставил чашку, взял бумагу и пробежал по ней глазами. Его брови сходились всё плотнее, взгляд стал холодным, словно покрылся инеем. Крепко сжав губы, он скомкал записку в кулаке, тряхнул рукавом и холодно рассмеялся:

— Хорошо, хорошо, очень хорошо! Вот так наместник уезда Цинхэ!

Ли Шу с трепетом наблюдал за яростью Янь Су, боясь, как бы тот не разошелся и не потревожил свои раны. Про себя он досадливо вздохнул: ну почему этот высокородный господин вечно забывает, что сам еще не оправился от увечий?

— Неужели вы раньше совсем ничего не замечали? — Ли Шу, пораженный до глубины души, подтянул полы халата, сел за край стола и уперся локтями в столешницу.

Янь Су опустил глаза на скомканный комок бумаги в ладони. Его лицо, утратив прежнюю расслабленность, стало ледяным. Помолчав, он произнес ровным, лишенным эмоций голосом:

— Разбойники в Цинхэ грабят народ не первый день. Обмануть отца-императора, пожалуй, было возможно, но вот брата... вряд ли.

Покойный император Дунлина в свое время был мудрым и могущественным правителем, сведущим и в науках, и в военном деле. Жаль лишь, что с годами он стал ленив в государственных делах и подозрителен. Если бы не это, наследный принц не погиб бы вместе

со всей своей семьей, а сам император в итоге не пал бы от руки собственного сына.

Однако новый император Янь Сюнь вряд ли был в неведении. В конце концов, его наставник, Канлэ-хоу Сун Юэ, уже давно состоял в сговоре с братом. А Линь Фаньчэн — ученик Сун Юэ. Поразмыслив, Янь Су в общих чертах понял замысел Янь Сюня.

Линь Фаньчэн был для него как язва, но, будучи учеником Сун Юэ, он был защищен: ведь нынешняя императрица, мать всех подданных, происходила из рода Сун. Янь Сюнь не желал открыто враждовать с Сун Юэ, поэтому, будь то устранение Линь Фаньчэна его руками или убийство самого Янь Су на территории Линь Фаньчэна — в любом случае это была беспроектная сделка.

Даже если Янь Су вернется в Яньцзин живым, вражда с Канлэ-хоу лишь усилится, а сам император останется чист, как белый лист. Какая искусная стратегия — одним выстрелом двух зайцев.

Янь Су снял абажур с лампы и поднес записку к пламени свечи. Вспыхнув, она мгновенно превратилась в пепел. Он чуть изогнул губы в улыбке, способной заморозить само пламя, и тихо произнес:

— Мне не терпится посмотреть, как они будут разыгрывать этот спектакль дальше.

С этими словами он вернул на место абажур с росписью из диких орхидей и, словно между прочим, добавил:

— Раз уж эта девица Цинхэ пришла, пусть наместник Линь сам приедет за ней.

Едва он закончил говорить, как в дверь постучали, и следом раздался намеренно приглушенный женский голос:

— Два господина, вы здесь?

Легко на помине. Янь Су стер с лица холодное выражение и отозвался мягким, громким голосом:

— Входите, девушка, раз есть дело.

Дверь со скрипом отворилась. Цинхэ, всё в том же черном одеянии и с коротким клинком в руке, с серьезным видом произнесла:

— Господа, кажется, это место — притон разбойников!

Две старые лисы переглянулись, а затем синхронно отвели глаза, храня немое согласие.

Спектакль разыгрывался с таким усердием, что им стало неловко не подыграть.

<http://bllate.org/book/21817/2258625>